
История наша не пишется, хоть ты тресни:
Не виден сюжет за сугробами белых пятен.
Но, если бы вышло её сократить до песни,
Возможно, финал бы нам стал наконец понятен.

И я бы пропела её, не соврав ни ноты,
(Мне было б легко - до высоких не добрались мы).
И боли с надеждами - прочерки и пустоты -
Звучали бы как интерлюдии и мелизмы.

Я верю, придут непременно мотив и рифмы.
И, может, отбросив язвительных фраз обоймы,
Над глупыми драмами всё-таки воспарим мы,
Услышим себя и друг друга.

Прошу,
Подпой мне.

Пора признать: морально устарели
Все оды марту. Радуйся ли, плачь,
В Сибирь весна врывается в апреле.
Как всадник апокалипсиса. Вскачь.

За ней журчат ручьи из песни старой,
Чего в них только нет - бросай блесну!
Проплыл бы мимо Ной с друзьями в парах,
Притормозить ковчег бы не рискнул.

И, кажется, уже не будет лучше -
Хватай галоши, полезай на плот.
Но из-за туч выходит первый лучик,
Потом второй, шестой, восьмой... и вот

Конфузится асфальт: неровный, голый,
Исхоженный до дыр. А во дворе
Для псов бродячих разморожен голубь,
Припрятанный природой в ноябре.

Увы, весна на сказку не похожа:
Под утро заморозит, днём зальёт.
Но и душа оттаивает всё же.
Надеюсь, ей ещё грозит полёт.

Когда рассудок разъедает быт, порыв паниковать останови, ведь
Глотнёшь немного злобы рыбьим ртом - и, кажется, уже опять в строю.
То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть?
Ну, у меня есть шанс. Всё дело в том, что ненавидеть я не устаю.

А стоит перепрыгнуть край листа, почудится: сейчас с концами сгину.
Останутся лишь сироты-слова и замысел – непонятый изгой.
По-бредбэрэвски боль моя проста: проснувшись, наступаю я на мину.
Успею снова склеиться едва, как день стремится перетечь в другой.

Попробуй вдохновенье удержи! Да где же раздобыть такую смелость,
Чтоб, над былым ни мига не скорбя, с безжалостным грядущим рваться в бой,
Когда не знаешь даже падежи? О, только бы однажды мне сумелось
Сменить «виню во всём (кого?) себя» на «счастлива быть (кем?) самой собой».

Случай сводит нас - алгоритм уже не нов -
Мы расходимся, ночь на кухне проговорив.
У тебя ко мне - ничего, кроме пары снов.
У меня к тебе - ничего, кроме горстки рифм.

Сны не вещие, ты из памяти их сотри.
Даже Фрейд подтвердит: они не о том совсем.
Рифмы где-то с неделю будут саднить внутри,
И прольются на лист, что прежде был пуст и нем.

Дорисую на нём набор характерных черт
Наших долгих бесед - весну, полумрак, печаль.
Аккуратно поставлю точку, вложу в конверт
И отправлю тебе. Получишь - не отвечай.

Не выходит себя любимую сдать в утиль никак:
Рановато, твердят. И, спрятавшись в чёрный снуд,
Я вдоль снов брожу, пока выстрелы из будильника
В пену дней меня не швырнут.

Все дивятся вокруг, мол, май без пяти, ну что же ты?
Возрождайся из пепла! Будто тебе впервой.
А мне кажется, всё хорошее прежде прожито –
Посиди, помяни, повой.

И синицей в руках забьётся моментов тыщица,
Журавлём пролетит апрель – ни черта не тот.
Но я верю, я жду – когда-нибудь да отыщется

От уныния антидот.

Апатической меланхолией одержимая,
Ей шепчу: «Ждёшь ресурсов с силами? Вот те, тать.
Только я тебя, точно демона в лампу джиннову,
Упакую в свою тетрадь».

Когда весна с улыбкой озорной,
С грядой веснушек на плечах покатых
Пастелью пишет в небе надо мной
Звенящие рассветы и закаты,

Когда, зардевшись, город, прежде хмур,
Вдруг обнажает нежность крыш и парков,
Проходим в спины целится Амур -
Доставщик рифм и поцелуев жарких,-

Тогда-то, новым воздухом дыша,
Я чувствую, что все границы стёрты -
А значит, время слать хотя бы к чёрту
Былую горечь, ускоряя шаг.

Героини романов Остин
Обитают в других веках,
Не корнают башку со злости,
Не страдают о дураках,

В разговорах - ни слова дряни
(Знают толк языках в шести!),
Не звонят никому по пьяни
И не тают от "ну прости",

Ждут, когда их супруг разденет,
В полумраке шелка измяв,
Сестры Дэшвуд, милашки Беннет,
А пока - никаких забав.

И, хотя не такие цели
Им закладывали тапан,
Все б они просто офигели,
Прочитав обо мне роман.